DOI 10.31833/12-11-2021-IV-274-275

Овсянников В. В., Русланов Е. В. (Уфа)

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ЭТАП ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИРСКОГО НАРОДА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Северную (лесостепная и горно-лесная зоны) часть Исторического Башкортостана в эпоху развитого средневековья занимали памятники чияликской культуры, существовавшей здесь с X в. н. э. Эта культура занимала обширный ареал от современной Елабуги на западе и до Курганской области на востоке. Северная граница ареала проходила по южным районам современного Пермского края. Южная граница соответствует современной границе лесостепной и степной зон. Основная масса памятников культуры в золотоордынский период сосредотачивается в лесостепном Предуралье. Происхождение носителей чияликской культуры большинство исследователей связывают с территорией Зауралья и Западной Сибири [Гарустович, 2015. С. 181–198].

Культура представлена различными типами памятников: селищами, городищами, грунтовыми и курганными могильниками, святилищами, местами металлургического производства, кладами и др. В хозяйственно-бытовом плане это было полукочевое население, основой хозяйства которого было скотоводство и пашенное земледелие, немалую роль играло ремесло, в том числе значительно было развито кузнечное дело. С X в. в среду чияликской культуры проникает ислам. В золотоордынский период, судя по погребальному обряду, ислам глубоко вошел в культуру чияликского населения [Рязанов, 2011; Гарустович, Овсянников, Русланов, 2018. С. 32–42; Овсянников, Русланов, 2021. С. 301–313].

Южные районы исторического Башкортостана, входящие в степной пояс Дешт-и-Кипчак, в золотоордынское время (XIII–XIV вв.) заселяли кочевники – наследники кыпчаков-половцев, оставившие однотипные захоронения под небольшими земляными и каменными насыпями, в простых узких ямах, перекрытых досками [см.: Иванов, Кригер, 1988; Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014; Иванов, 2015].

Тип хозяйствования, по всей видимости, соответствовал II форме (стадии) кочевания по С. А. Плетневой, что означает ограничение территории кочевания для орды или рода и появление сезонных поселений зимников (*кышлау*) и летовок (*йәйге йорт*) [Плетнева, 1982. С. 36–38]. В то же время, здесь, как минимум с XIII в., фиксируется инфильтрация пришлого саяно-алтайского компонента (погребения аскизской культуры) и собственно монгольские погребения (т. н. курганы «башкир-беркутовского типа»), где костяки находятся внутри деревянных колод [Мажитов, 1977. С. 112–118; Яминов, 1995; Яминов, Яминова, 2011. С. 34–38; Гарустович, Иванов, 2019. С. 95–104]. Антропологический тип кочевников представлен смешанным европеоидно-монголоидным и ярко выраженным монголоидным южно-сибирского типа [Юсупов, 1989. С. 152. Нечвалода, 2019. С. 105–121].

На рубеже XIV–XV вв. в среду степного кочевого населения проникает ислам. К концу золотоордынской эпохи погребальный обряд унифицируется, из могил исчезает вещевой инвентарь, что затрудняет отнесение погребений к тому или иному временному промежутку. Однако какое-то время, в степи остается курганный

обряд погребения. Известны немногочисленные поселенческие памятники, пока мало исследованные.

Таким образом, в золотоордынскую эпоху территорию Исторического Башкортостана, по данным археологии, занимали народы и племена разного происхождения: как из лесостепи Зауралья и Западной Сибири, так и из степей Восточной Европы, Алтая, Монголии и других территорий. Также здесь сосуществовало два различных культурно-хозяйственных типа: полукочевое скотоводство с элементами земледелия и кочевое скотоводство. Это показывает, что процесс консолидации башкирского этноса в этот период еще не завершился.

В настоящее время, источниковая база по памятникам постзолотоордынского времени только начинает формироваться. Поэтому проследить дальнейшее развитие формирования башкир, их материальной культуры, по данным археологии пока крайне затруднительно. Можно лишь предположить, что одним из консолидирующих факторов стала религия – ислам, которую к XV в. исповедовало большинство населения Исторического Башкортостана.

Источники и литература:

1. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.
2. Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Азнаевский-2 курганный могильник XIII века в лесостепной зоне Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 2019. Вып. 19. С. 95–104.
3. Гарустович Г.Н., Овсянников В.В., Русланов Е.В. Городище Уфа–II в золотоордынский период // Oriental Studies. 2018. №11(4). С. 32-42.
4. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 90 с.
5. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
6. Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 208 с.
7. Мажитов Н.А. Южный Урал в XII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
8. Нечвалода А.И. Краниологическая характеристика материалов из некрополей степного Предуралья эпохи Золотой Орды // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. 2019. С. 105–121.
9. Овсянников В.В., Русланов Е.В. Мончазинское городище – многослойный памятник в Южном Предуралье // Oriental Studies. 2021. №14(2). С. 301-313.
10. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 186 с.
11. Рязанов С.В. Металлургия железа на Южном Урале в XIII – XIV вв. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 125 с.
12. Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л.: Наука. 1989. 198 с.
13. Яминов А. Ф. Южный Урал в XIII-XIV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 30 с.
14. Яминов А. Ф., Яминова С. А. Башкир-беркутовский тип: курганы Волго-Уралья и монголы // Проблемы востоковедения. 2011. № 1. С. 34–38.